НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 10.

Проф. В. М. Хвостовъ.

ЖЕНЩИНА ВЪ ОБНОВЛЕННОЙ КУЛЬТУРѢ.

Цѣна 40 коп.

Издательство преподавателей Московскаго Университета

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страст. бульв., Путинк. пер., д. 3.
1917.

НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 10.

Проф. В. М. Хвостовъ.

ЖЕНЩИНА ВЪ ОБНОВЛЕННОЙ КУЛЬТУРѢ.

Цѣна 40 коп.

Издательство преподавателей Московскаго Университета

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страст. бульв., Путинк. пер., д. 6.
1917.

Библиотека ООН
Ассоциация Нотн. Пост.
430
39

Женщина въ обновленной культурѣ.

I.

Современникамъ всегда трудно разобраться въ событіяхъ дня съ достаточной степенью ясности. Происходитъ это не только потому, что причинность соціальныхъ явленій изучена наукой пока далеко еще не въ полной мѣрѣ, но и потому, что причинность эта имѣетъ совершенно особый характеръ. Происходящіе въ обществѣ процессы суть прежде всего процессы психическіе, а не физическіе. Они сводятся въ конечномъ счетѣ къ сложному духовному взаимодѣйствію людей, составляющихъ общество; это взаимодѣйствіе приводитъ къ обмѣну мыслями, къ борьбѣ чувствованій. Все это совершается на почвѣ извѣстной закономѣрности, въ силу которой общество далеко не составляетъ простой суммы отдѣльныхъ людей; у него есть свои особыя свойства, оно для каждаго изъ насъ является внѣшней силой, воздѣйствующей на насъ, съ вліяніемъ которой подчасъ бороться трудно, а иногда и невозможно. Всякій изъ насъ по опыту знаетъ, какое вліяніе оказываетъ на отдѣльнаго индивида пребываніе въ возбужденной или испуганной толпѣ, какую огромную силу составляетъ сложившееся общественное мнѣніе, поддерживающее или отрицающее извѣстный лозунгъ или формулу, порицающее или одобряющее дѣйствія того или другого лица. Не даромъ такъ стараются политическія партіи и отдѣльные дѣятели о привлеченіи на свою сторону „широкихъ народныхъ массъ“.

Вся эта соціальная закономѣрность не укладывается въ рамки физико-химической причинности. Въ психическихъ процессахъ, къ числу которыхъ, какъ сказано, относятся и соціальные, имѣетъ значеніе не столько количество (играющее въ физикѣ и химіи такую доминирующую роль, что завѣтной мечтой этихъ наукъ всегда является переводъ законовъ природы въ математическія формулы), сколько качества, не поддающіяся цифровому учету [1]). Насъ интересуетъ въ политикѣ прежде всего содержаніе и смыслъ тѣхъ формулъ, которыя намъ предлагаются, и, только разобравшись во всемъ этомъ, начинаемъ мы заботиться объ увеличеніи количества сторонниковъ той формулы, которая по качеству представляется намъ наилучшей. Когда мы судимъ о произведеніи искусства, то для знатоковъ важно не то, что нравится большинству публики, а то, какую качественную цѣнность представляетъ собой данное твореніе художника. И такъ повсюду въ мірѣ духовной жизни. Этотъ міръ, сверхъ того, отличается отъ физическаго міра еще тѣмъ, что содержаніе его *постоянно* мѣняется. Духовная жизнь состоитъ въ постоянномъ творчествѣ. Каждый изъ насъ развивается, растетъ, если только его жизненные процессы идутъ съ достаточной степенью интенсивности, и это развитіе сказывается въ томъ, что у насъ *постоянно появляются новыя мысли, новыя чувства*, которыхъ раньше не было. Но такой же ростъ обнаруживается и въ духовной жизни человѣческихъ обществъ и даже всего человѣчества, поскольку оно находится въ культурномъ общеніи. Взаимный обмѣнъ мыслями и чувствами, происходящій между людьми, приводитъ къ тому, что возникаютъ общепризнанныя научныя истины, неизвѣстныя предыдущимъ поколѣ-

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе *мои* книги: „Теорія историческаго процесса“ (изд. 2-е, 1914 г.). „Нравственная личность и общество“ (1911 г.), стр. 99—124.

ніямъ, появляются новыя техническія изобрѣтенія, создаются новыя системы политическаго и соціальнаго строительства. Человѣкъ, благодаря развитію своего разума, одаренъ способностью пользоваться силами природы въ сторону удовлетворенія своихъ нуждъ; онъ не можетъ передѣлывать неизмѣнной закономѣрности міра физическаго, духовнаго и соціальнаго, но онъ можетъ направлять дѣйствіе всѣхъ этихъ силъ въ желательную сторону, переустраивать міръ по своимъ планамъ, однимъ словомъ, пользуясь неизмѣнной *„натурой“*, сооружать на этой основѣ свою человѣческую *„культуру“*. Лучше познавая природу, натуру, человѣкъ въ то же время все шире и шире ставитъ свои культурныя преобразованія. Культура постоянно создаетъ новыя цѣнности, открываетъ такія возможности и достиженія, о которыхъ и мечтать не могли предыдущія поколѣнія.

Вотъ почему трудно положеніе современника при оцѣнкѣ происходящихъ на его глазахъ событій. Важность этихъ событій, въ конечномъ счетѣ, опредѣляется тѣмъ, какое вліяніе каждое изъ нихъ окажетъ на будущую культуру, какой оставитъ послѣ себя слѣдъ. Если событіе поведетъ къ глубокимъ и длительнымъ послѣдствіямъ, если оно при этомъ поможетъ человѣчеству въ его овладѣніи міромъ и въ переустройствѣ міра въ духѣ вѣчныхъ идеаловъ, то оно займетъ видное мѣсто въ исторіи человѣчества и послѣдующими поколѣніями будетъ почитаться, какъ великій шагъ на пути культурнаго прогресса. Но мы присутствуемъ при самомъ развертываніи событій, мы вовлечены въ самый вихрь политической жизни. На нашихъ глазахъ быстро несутся событія, въ которыхъ исторически важное и вѣчное перемѣшано съ временнымъ и преходящимъ. Даже тѣ изъ насъ, которые искренно преданы дѣлу культуры и одушевлены высокимъ порывомъ служенія вѣчнымъ истинамъ и идеаламъ, не могутъ однако отрѣшиться и отъ заботъ

нынѣшняго дня. Человѣкъ такъ устроенъ, что онъ долженъ „сперва жить, а затѣмъ философствовать“, и какъ бы онъ ни былъ идеалистически настроенъ, неумолимыя потребности тѣла постоянно тянутъ его въ верховъ идеалистическихъ устремленій въ гущу повседневной жизни. При такомъ положеніи современнику трудно разбираться въ событіяхъ, тѣмъ болѣе, что событія эти вѣдь не кончились. Результаты ихъ еще не выяснились. Мы не знаемъ, какое изъ борющихся теченій побѣдитъ, какъ и когда оно побѣдитъ. Не знаемъ мы и того, какіе новые, и уже въ силу этого намъ теперь совершенно невѣдомые синтезы мысли и чувства создастъ несущаяся въ переживаемую эпоху бѣшенымъ темпомъ общественная жизнь.

И тѣмъ не менѣе, есть потребность иногда отрѣшиться отъ злободневныхъ событій и со спокойствіемъ мудреца взглянуть на разволновавшееся человѣческое море, чтобы попытаться оцѣнить происходящія событія sub specie aeternitatis, выяснить ихъ міровой и вѣчный смыслъ. Мы мало еще знаемъ въ области соціальной закономѣрности, но все же кое-что знаемъ и до извѣстной степени имѣемъ право, если не предсказывать будущее, то догадываться о немъ съ большей или меньшей степенью вѣроятности, открывать въ настоящемъ тѣ линіи, которыя, вѣрнѣе всего, продлятся въ будущее и станутъ основой дальнѣйшей творческой работы человѣчества. Въ скромныхъ размѣрахъ, опредѣляемыхъ отчасти и заглавіемъ настоящей небольшой работы, ставитъ себѣ такую задачу авторъ этихъ строкъ.

II.

Исторія никогда не идетъ равномѣрнымъ темпомъ. Иногда жизнь какъ будто замедляется. Не происходитъ никакихъ замѣтныхъ перемѣнъ въ общественныхъ порядкахъ и по внѣшности все остается въ по-

коѣ. Но такое спокойствіе всегда обманчиво. На самомъ дѣлѣ жизнь никогда не бываетъ состояніемъ покоя. Въ кажущіеся моменты застоя въ дѣйствительности происходитъ работа скрытыхъ силъ, постепенно накопляется энергія, которая рано или поздно найдетъ себѣ приложеніе. Накопившаяся энергія можетъ разрядиться болѣе или менѣе бурно въ зависимости отъ того, какъ долго и по какимъ причинамъ она не находила себѣ выхода и примѣненія въ періодъ застоя. И тогда въ теченіе короткаго времени могутъ съ ужасающей быстротой нестись событія и происходить крупныя перемѣны. Быстро рушатся вѣковыя учрежденія, уничтожаются стародавніе порядки, а на ихъ мѣсто возникаютъ новые. Постепенно однако теченіе бурнаго потока замедляется, онъ натыкается на препятствія и разбивается; начинаютъ дѣйствовать временно притаившіяся враждебныя силы, которыя увеличиваютъ свое напряженіе по мѣрѣ ослабленія творческаго порыва новыхъ устремленій, и на развалинахъ революціи выростаетъ реакція, сила которой опредѣляется силой революціи. Реакціи никогда не удается вернуть общество къ старому, дореволюціонному состоянію. Но она всегда воскрешаетъ многое изъ того, что сметено порывомъ революціи, и полагаетъ предѣлы смѣлому размаху революціоннаго натиска.

Мы переживаемъ именно такую эпоху. Въ теченіе приблизительно двухъ-трехъ десятилѣтій Европа и Россія пользовались международнымъ миромъ; не происходило и значительныхъ внутреннихъ потрясеній; мы настолько начали привыкать къ такому положенію вещей, что мало кто вѣрилъ въ возможность войны; находились оптимисты, которые уже начинали мечтать о вѣчномъ мірѣ. Мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться. Сперва русско-японская война и сопровождавшая ее революція, а затѣмъ Балканская война показали, что вулканъ не погасъ. Въ 1914 году послѣдовало изверженіе и землетрясеніе небывалыхъ

размѣровъ, не прекратившееся и доселѣ. Каковы будутъ результаты переживаемыхъ событій, съ точностью никто предсказать не можетъ; но въ томъ, что результаты эти будутъ колоссальны, врядъ ли кто сомнѣвается. Я лично думаю, что на нашихъ глазахъ развертываются событія настолько чрезвычайной важности, что *отдаленные наши потомки будутъ съ нихъ начинать даже не новый періодъ всемірной исторіи, но нѣчто въ родѣ новой эры.* Все то, что мы теперь раздѣляемъ въ качествѣ древней, средней и новой исторіи, сольется въ ихъ представленіяхъ въ одну древнюю исторію, новая же будетъ начинаться съ нашихъ временъ. Дѣло въ томъ, что въ самомъ характерѣ культуры намѣчается принципіальный поворотъ, который и положитъ рѣзкую грань между всѣмъ прошлымъ и предстоящимъ будущимъ. Прошлое будетъ характеризоваться въ общемъ, *какъ эпоха преобладанія физической силы и чисто умственной культуры.* Будущее станетъ выдѣляться, какъ время, когда въ культурномъ развитіи постепенно и чѣмъ дальше, тѣмъ больше *первенствующее мѣсто заняло альтруистическое чувство и сила духовная стала выше физическаго насилія.* Къ такому заключенію меня приводитъ цѣлый рядъ крупныхъ и характерныхъ фактовъ.

Еще XVIII столѣтіе, знаменитый „вѣкъ просвѣщенія", было эпохой твердой вѣры въ спасительную силу интеллекта. Но тутъ же, главнымъ образомъ въ философіи Руссо, намѣчается и сильная реакція въ защиту правъ чувства. Съ начала XIX вѣка реакція эта растетъ и крѣпнетъ. Основатель соціологіи, Огюстъ Контъ,—девизомъ своего труда ставитъ положеніе: любовь, какъ принципъ соціальнаго строя, и изобрѣтаетъ новое слово: альтруизмъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи особенно бросается въ глаза усиленіе соціалистическихъ доктринъ, знаменующихъ собою требованіе не только формальнаго уваженія къ человѣческой лич-

ности и ея достоинству, но и помощи каждому по существу въ стремленіи занять достойное человѣка положеніе. Въ то же время происходитъ сильное развитіе интернаціонализма и пацифизма, при чемъ это теченіе вступаетъ въ тѣсный союзъ съ соціализмомъ. Однимъ словомъ, вѣчныя истины, возвѣщенныя еще христіанствомъ и до сей поры больше съ внѣшней только стороны усвоенныя культурнымъ человѣчествомъ, настолько уже проникаютъ въ человѣческое сознаніе, что впервые начинаютъ становиться доминирующими мотивами политической жизни, дѣйствуя, конечно въ обновленномъ и модернизированномъ видѣ и вступая уже на этотъ разъ въ рѣшительный и смертный бой со старыми кумирами человѣчества. И я думаю, что переживаемая міровая война и всѣ связанныя съ ней и вызванныя ею событія знаменуютъ собой именно рѣшительный шагъ въ этомъ процессѣ, эпоху окончательнаго разрыва съ прошлымъ и выхожденія прогрессивнаго человѣчества на новую дорогу. Въ міровой войнѣ соединившіяся демократіи всего міра даютъ бой лозунгамъ стараго міра, торжествующимъ пока еще въ руководящихъ сферахъ Германіи. Побѣда этихъ демократій, которая рано или поздно должна наступить, и будетъ знаменовать собою окончательный переходъ общечеловѣческой культуры на новые рельсы.

Что все это такъ, должно быть ясно каждому, чье сознаніе не затемнено явнымъ или скрытымъ германофильствомъ. На сторонѣ Германіи мы видимъ стремленіе къ міровой монархіи, правда, во имя культуры, но культуры, понимаемой въ узко-интеллектуальномъ и матеріалистическомъ духѣ [1]). Лозунгомъ противниковъ Германіи является стремленіе къ международной федераціи, основанной на уваженіи къ національнымъ особенностямъ даже малыхъ и въ военномъ отноше-

---

[1]) См. *мою* статью «Нравственное міровоззрѣніе сверхнарода» въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи", кн. 127.

ніи слабыхъ народностей, на принципѣ самоопредѣленія народовъ. На сторонѣ Германіи мы встрѣчаемся съ культомъ государственнаго централизма, поддерживаемаго военной силой, и съ опредѣленно выраженнымъ преклоненіемъ передъ этой силой. На сторонѣ союзныхъ государствъ преобладаютъ принципы государственной децентрализаціи, стремленіе ослабить чрезмѣрный гнетъ государственной власти переложеніемъ значительной части ея заботъ на мѣстныя организаціи, при чемъ спайка этихъ разнородныхъ частей должна опираться не на силу оружія, а на сознаніе хозяйственной и культурной близости и зависимости. Конечно, всѣ эти формулы заключаютъ въ себѣ не готовыя рѣшенія, а только постановку вопросовъ, и притомъ вопросовъ очень трудныхъ и сложныхъ. Не найдено еще практическихъ средствъ, которыя бы обезпечили мирное существованіе международной федераціи, безъ риска для слабыхъ ея членовъ пострадать отъ вѣроломнаго нападенія воинственнаго сосѣда; не придумано и такихъ рецептовъ государственнаго строительства, которые дѣйствительно обезпечили бы личную и мѣстную свободу, не подрывая мощи государственнаго цѣлаго; сами враги Германіи не вполнѣ и не во всѣхъ отношеніяхъ искоренили въ своей собственной жизни тѣ имперіалистическіе и милитаристическіе лозунги, рѣшительное преобладаніе которыхъ въ политикѣ Германіи такъ ихъ возмущаетъ. *При разрѣшеніи этой проблемы вообще сталкиваются* разнообразные и трудно примиримые интересы; часто, напр., въ борьбѣ съ государственнымъ централизмомъ за расширеніе мѣстнаго самоуправленія недостаточно считаются съ той соціологической истиной, что, чѣмъ *меньше по объему правящій союзъ*, тѣмъ больше опасности, что его заботы объ отдѣльныхъ личностяхъ выродятся въ мелочный контроль, уничтожающій всякую свободу индивида; такимъ образомъ, насколько можетъ выиграть въ процессѣ децентрализаціи свобода общины,

настолько можетъ проиграть свобода отдѣльной личности. И такихъ опасностей очень много; слишкомъ ужъ сложна общественная закономѣрность и слишкомъ плохо она укладывается въ прямолинейныя формулы разсудка.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что и самыя формулы нерѣдко выносятся въ слишкомъ утрированномъ видѣ, такъ что затемняется ихъ истинное содержаніе.

Принципъ федерализма и мѣстной автономіи проводится такъ широко, что перекидывается въ анархизмъ, погребающій самую идею государства; соціализмъ изъ доктрины обобществленія средствъ производства, стремящейся обратить капиталъ цѣликомъ на служеніе интересамъ трудящихся людей, вырождается въ дикое „захватное право", разрушающее въ самыхъ основахъ всю организацію производства; интернаціонализмъ проповѣдуется въ столь крайнихъ формахъ, что не принимаются во вниманіе самые законные и жизненные интересы отдѣльныхъ національностей; эгалитаризмъ доходитъ до такихъ крайностей, что начинаетъ игнорировать естественныя и неустранимыя различія людей, не только различія пола, но даже и возраста, требуя для всѣхъ безъ различія участія рѣшительно во всемъ. При такихъ условіяхъ иногда требуется значительное мужество, чтобы въ раскаленной атмосферѣ крайнихъ лозунговъ защищать самыя азбучныя истины, въ родѣ единства и внѣпартійности науки: вѣдь въ наше время проповѣди классовой борьбы и наука взята подъ подозрѣніе „буржуазности", и нѣмецъ Іосифъ Дицгенъ пытался начертать не менѣе, какъ „пролетарскую теорію познанія".

И формы борьбы пока еще продолжаютъ носить не соотвѣтствующій защищаемымъ лозунгамъ внѣшній характеръ. Такъ какъ силы старой культуры еще не побѣждены, то *борьбу за ихъ уничтоженіе приходится вести ихъ же средствами*, что часто затемняетъ въ глазахъ массъ самый смыслъ борьбы. Получаются та-

кіе парадоксы исторіи, какъ война для уничтоженія въ будущемъ всякихъ войнъ; часто этому лозунгу не вѣрятъ и видятъ въ немъ только лицемѣрную формулу, а между тѣмъ онъ совершенно правиленъ, ибо оказывается, что милитаризмъ можетъ быть сокрушенъ только его же оружіемъ. Освободившая Россію отъ ужасовъ самодержавнаго деспотизма и несправедливости революція сама вызвала къ жизни такія явленія, какъ увеличеніе грабежей и убійствъ, какъ ослабленіе чувства законности, какъ массовое дезертирство солдатъ съ фронта и изъ тыловыхъ частей, какъ ужасный и часто несправедливый самосудъ толпы. Слышатся уже со всѣхъ сторонъ испуганные вопли о томъ, что гибнетъ всякая культура и наступаетъ дикая и варварская анархія. И, однако, это не такъ: *гибнетъ не культура вообще, а только въ бурѣ, пламени, крови и мукахъ гибнетъ культура стараго міра, чтобы очистить мѣсто новой, болѣе свѣтлой и духовной.*

Конечно, и міръ новой культуры *не будетъ земнымъ раемъ*, въ которомъ воцарится полный миръ, тишина и спокойствіе. Такое положеніе вообще невозможно для людей и никогда не наступитъ, пока люди остаются людьми[1]). Выше уже было указано, что понятія жизни и покоя вообще несовмѣстимы. Жизнь есть прежде всего дѣятельность, а дѣятельность есть преодолѣніе препятствій, т.-е. борьба. Пока люди живы, они всегда будутъ бороться съ внѣшней природой, съ несогласно мыслящими и стремящимися людьми, наконецъ, каждый съ дурными и вредными задатками въ самомъ себѣ. Можетъ быть, возможна и еще какая-нибудь иная жизнь, жизнь вѣчно-блаженная и безъ борьбы. Но такая жизнь—не для людей. Она имъ не-

---

[1]) Ср. объ этомъ статьи проф. *Новгородцева*: „Объ общественномъ идеалѣ", печатающіяся въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи". См. также *мою* книгу „Очеркъ исторіи этическихъ ученій" (2-е изд., 1913 г.), §§ 19, 22.

доступна и непредставима. Нѣкоторыя религіи обѣщаютъ ее для святыхъ, и вполнѣ основательно: каждый, кто мечтаетъ о подобной жизни, долженъ сперва подумать, можетъ ли онъ самъ и окружающіе его люди претендовать на положеніе святыхъ, отрѣшились ли они отъ всякаго эгоизма, отъ всякихъ неблагородныхъ побужденій; только при такихъ условіяхъ возможно уничтоженіе всякой борьбы, по крайней мѣрѣ между самими людьми, отказъ отъ всякой принудительной власти, вообще осуществленіе анархическаго идеала, До тѣхъ же поръ земной рай останется для людей только мечтой, пріятной утопіей, осуществленіе которой невозможно потому, что мы пока еще слишкомъ несовершенныя существа, и совершеннаго безпечальнаго существованія прежде всего недостойны.

И тѣмъ не менѣе, переворотъ въ состояніи культуры будетъ имѣть огромное значеніе. Борьба между людьми не уничтожится, но она будетъ вестись иными по преимуществу средствами. Если въ старомъ мірѣ конечнымъ аргументомъ былъ кулакъ или сила истребительнаго оружія, то въ новомъ мірѣ, эра котораго откроется послѣ пораженія милитаризма, *на первый планъ выступитъ борьба идей и чувствъ.* Средства и пріемы борьбы облагородятся. Насиліе и его обычные спутники лукавство и обманъ будутъ уступать мѣсто честной борьбѣ убѣжденій и взглядовъ. Въ связи съ прогрессомъ знаній, и лозунги борьбы будутъ постоянно углубляться и расширяться. Вся культура человѣческаго міра обновится содержаніемъ и формой.

III.

Какъ указано выше, современникамъ трудно разбираться въ быстро несущихся событіяхъ и отдѣлять въ нихъ все болѣе существенное съ общеисторической точки зрѣнія отъ менѣе важнаго, имѣющаго лишь временный, преходящій характеръ. Въ тотъ моментъ, когда

набрасываются эти строки (іюнь 1917 г.), русское общество гораздо больше занято неотложными задачами настоящаго момента, чѣмъ вопросами о принципахъ будущей культуры. Всѣхъ страшно волнуетъ вопросъ о надвинувшейся грозной хозяйственной разрухѣ, о жуткихъ симптомахъ анархіи, о боеспособности русской арміи, о всякаго рода выборахъ. Все это въ высшей степени важно: отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ самый успѣхъ освободительной войны и тѣсно съ нею связанной революціи. Но, заботясь обо всѣхъ этихъ злобахъ дня, *не слѣдуетъ ни на минуту забывать о тѣхъ конечныхъ идеалахъ, которые лежатъ въ самыхъ основахъ происходящаго грандіознаго освободительнаго движенія.* Когда люди объ этомъ забываютъ, то правильныя перспективы извращаются, утрачиваются масштабы для сравнительной оцѣнки разныхъ принциповъ и въ результатѣ появляются тѣ извращенные лозунги борьбы, о которыхъ уже было сказано выше и которые, внося лишнюю смуту и разноголосицу, возбуждая страсти безъ всякой надежды на удовлетвореніе разыгравшихся аппетитовъ, только запутываютъ и безъ того трудное положеніе.

Обращаясь спеціально къ вопросу о принципіальномъ значеніи *русской революціи,* мы должны прежде всего отмѣтить, что революція эта есть дочь міровой освободительной войны, цѣли которой были охарактеризованы выше. Каждая война есть строгій экзаменъ для правительства: только сильное и способное правительство, опирающееся на довѣріе народныхъ массъ, въ состояніи съ успѣхомъ провести страну черезъ тяжкое испытаніе, заключающееся въ войнѣ и требующее правильной организаціи и концентраціи народныхъ силъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ корнѣ подгнившій русскій государственный режимъ не выдержалъ этого испытанія и въ нѣсколько дней свалился подъ гнетомъ народнаго негодованія. Какъ великая война имѣетъ міровое значеніе, такъ получитъ міровое значеніе и

дочь ея—русская революція. Только въ результатѣ революціи союзъ враговъ Германіи и по формѣ, а не только по существу, обратился, дѣйствительно, въ союзъ свободныхъ демократій противъ царизма и милитаризма. Послѣдствія этой перемѣны для другихъ странъ уже начали сказываться и еще скажутся. Польша уже провозглашена въ принципѣ независимымъ государствомъ, Константину въ Греціи пришлось разстаться съ престоломъ, Карлъ австрійскій начинаетъ подумывать о болѣе демократической политикѣ, а въ будущемъ насъ ждутъ, вѣроятно, и болѣе важныя событія того же порядка. Паденіе русскаго абсолютизма есть начало паденія абсолютизма и торжества демократіи вообще. Въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ ожидать во всемъ мірѣ самыхъ серьезныхъ шаговъ не только въ сторону политическихъ перемѣнъ, но и въ сторону капитальной перестройки экономическихъ и соціальныхъ отношеній. Не будучи утопистомъ, я не могу разсчитывать на немедленное осуществленіе соціалистическаго строя, почва для котораго еще далеко не подготовлена. Но *я вполнѣ убѣжденъ въ торжествѣ соціалистическихъ принциповъ въ культурѣ будущаго.* Право каждаго на достойное существованіе должно, наконецъ, быть гарантировано не на словахъ только и не въ формальномъ только смыслѣ. Все это въ корнѣ измѣнитъ характеръ общества и государства.

Соціалистическій строй, всеобщее разоруженіе, все это, во всякомъ случаѣ, пока еще остается дѣломъ будущаго. Но одно весьма крупное завоеваніе въ области коренныхъ соціальныхъ преобразованій русской революціей уже сдѣлано. Я разумѣю *женское равноправіе.* Въ моментъ, когда пишутся эти строки, русскія женщины уже зачисляются въ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, одной изъ нихъ официально предложенъ постъ товарища министра во Временномъ Правительствѣ, опубликованными постановленіями Временнаго Правительства женщинамъ предоставлено активное и

пассивное избирательное муниципальное право, можно считать предрѣшеннымъ въ этомъ же направленіи вопросъ объ избирательномъ правѣ въ Учредительное Собраніе. Со сказочной быстротой осуществился громадный соціальный переворотъ, о которомъ полгода тому назадъ можно было только мечтать. Авторъ настоящихъ строкъ никогда не сомнѣвался въ близости этого переворота. Уже въ 1905 г. въ предисловіи къ брошюрѣ „Женщина наканунѣ новой эпохи" я писалъ: „Я твердо вѣрю, что минувшее XIX столѣтіе составило поворотную эпоху въ исторіи женщины. Новому вѣку предстоитъ рѣшить окончательно проблему, поставленную на очередь прошлымъ столѣтіемъ". Ту же самую надежду я выражалъ въ своемъ большомъ изслѣдованіи по женскому вопросу „Женщина и человѣческое достоинство", законченномъ за мѣсяцъ до начала міровой войны, лѣтомъ 1914 года. Но я долженъ признаться, что не думалъ тогда о столь близкомъ разрѣшеніи вѣковой проблемы. Между тѣмъ значеніе происшедшаго сдвига въ положеніи женщинъ громадно и онъ уже самъ по себѣ въ значительной степени предрѣшаетъ характеръ будущей культуры, вырываетъ пропасть между старымъ и новымъ міромъ. Въ названномъ изслѣдованіи я писалъ: „Я утверждаю, что въ настоящій, по крайней мѣрѣ, моментъ чуть ли не самымъ острымъ, важнымъ и широкимъ... является именно женскій вопросъ, и основываю это мнѣніе на слѣдующихъ соображеніяхъ. Вѣдь въ этой области дѣло касается самаго принципа, которымъ опредѣляется соціальное положеніе цѣлой половины человѣческаго рода. Поэтому *всѣ остальные вопросы, выдвигаемые современностью, стоятъ въ болѣе или менѣе непосредственной зависимости отъ разрѣшенія женскаго вопроса.* Такъ, вопросъ политическаго устройства въ очень значительной степени зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ женщины будутъ допущены къ участію въ политической жизни: государственный строй лишь въ

томъ случаѣ можетъ быть квалифицированъ, какъ истинная демократія, если въ немъ женщины будутъ принимать столь же широкое участіе, какъ мужчины. Вопросъ соціально-экономическій также въ значительной степени включаетъ въ себя проблему женскаго профессіональнаго труда и не можетъ быть вполнѣ разрѣшенъ иначе, какъ въ связи съ рѣшеніемъ женскаго вопроса. Вопросы нравственнаго міровоззрѣнія какъ разъ въ наше время получили такой оборотъ и направленіе, что возникаетъ мысль о томъ, нельзя ли именно отъ женщинъ получить здѣсь нѣкоторую существенную помощь при свойственной имъ склонности къ мистицизму и интуитивному знанію, а затѣмъ и по самому существу нравственной проблемы чрезвычайную важность имѣетъ вопросъ о томъ, можемъ ли мы серьезно говорить о нравственномъ достоинствѣ человѣка въ обществѣ, гдѣ женщина играетъ ту роль, какую она до сихъ поръ играла въ обществахъ культурнаго человѣчества. Вопросы педагогическіе на каждомъ шагу приводятъ насъ въ столкновеніе съ женскимъ вопросомъ, такъ какъ теперь уже нельзя создавать системъ воспитанія и образованія, считаясь исключительно съ нуждами мужчинъ и особенностями ихъ психики. Да и во всѣхъ другихъ областяхъ жизни женскій вопросъ неизбѣжно даетъ себя чувствовать. Женщина все-таки есть существо настолько отличное отъ мужчины, что современное женское движеніе, настаивающее на расширеніи сферы женскаго творчества и женской дѣятельности, сравнительно съ прежними границами, заставляетъ постоянно ставить вопросъ о томъ, какъ же все это отразится на всемъ дальнѣйшемъ развитіи культуры. Сохранитъ ли наша культура свой прежній типъ или же женщины внесутъ въ нее качественное измѣненіе?“ (стр. 374—5).

Если парадоксально звучало сдѣланное раньше утвержденіе, что милитаризмъ будетъ сокрушенъ военною силой, то не менѣе парадоксальнымъ показалось бы

нѣсколько лѣтъ тому назадъ заявленіе, что женщина получитъ свободу, благодаря войнѣ. Женщины всегда считались въ такой степени противницами милитаризма, что въ разсужденіяхъ многихъ воинственно настроенныхъ политиковъ разныхъ странъ это обстоятельство всегда было однимъ изъ самыхъ существенныхъ аргументовъ противъ предоставленія имъ права политическаго голоса. А между тѣмъ именно міровая война, въ числѣ прочихъ своихъ освободительныхъ функцій, принесла женщинамъ давно жданное равноправіе. Уже въ началѣ войны ряды мужчинъ въ тылу армій настолько опустѣли, что пришлось серьезно подумать о замѣнѣ ихъ женщинами. Женщины пошли навстрѣчу общественной потребности и съ такимъ успѣхомъ выполнили возложенныя на нихъ разнообразныя функціи, что весьма быстро въ практикѣ жизни стали рушиться вѣковые предразсудки и обнаруживаться полная правота защитниковъ женскаго равноправія. На женщинъ повсюду пришлось возложить массу новыхъ обязанностей, а это съ неизбѣжностью поставило на первый планъ и вопросъ объ ихъ равноправіи, какъ о дѣлѣ уже самой элементарной справедливости. Не говоря о такихъ странахъ, какъ Англія, гдѣ женщина всегда стояла довольно высоко, даже въ милитаристической Германіи стали серьезно задумываться надъ лозунгами феминизма и брать подъ сомнѣніе извѣстную программу Вильгельма II, по которой для женщины никакихъ горизонтовъ за предѣлами дѣтской, кухни и церкви (Kinder, Küche, Kirche) не открывалось. Честь рѣшенія женскаго вопроса въ полномъ его объемѣ выпала, однако, на долю не этихъ странъ, а Россіи, молодая демократія которой оказалась единственнымъ пока крупнымъ государствомъ міра, которое имѣетъ право называть себя *демократіей въ полномъ смыслѣ слова,* такъ какъ здѣсь не является политически безправной цѣлая половина взрослаго населенія, какъ въ другихъ современныхъ большихъ демократіяхъ.

Крымская кампанія дала освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и другія реформы Александра II. Японская война принесла революцію 1905 г. и Государств. Думу, въ значительной степени подготовившую революцію 1917 г. Великая война 1914 г. вызвала революцію 1917 г. и принесла съ собой освобожденіе русской женщины. Почему именно въ Россіи впервые произошелъ этотъ великій переворотъ въ положеніи женщины, которымъ предрѣшается ходъ событій и въ другихъ странахъ, съ увѣренностью сказать трудно. Не безъ вліянія здѣсь осталось, конечно, то обстоятельство, что Россія сравнительно поздно перешла въ ряды свободныхъ демократій. Къ этому времени женское движеніе успѣло уже сдѣлать значительные шаги и общество въ достаточной мѣрѣ привыкло къ мысли о грядущемъ равноправіи женщинъ. Съ другой стороны, русскіе обоего пола настолько уже привыкли быть равными въ безправіи, что нормальному сознанію не могла представляться пріемлемой мысль объ установленіи теперь неравенства въ правахъ. Можетъ быть, здѣсь сыграли роль и извѣстныя особенности русскаго характера. При общей склонности русскаго народа къ мистицизму и нѣкоторой своеобразной ирраціональности, русскому мужчинѣ женская психика всегда была болѣе понятна и пріемлема, чѣмъ западно-европейцу. Не даромъ въ Россіи общественное положеніе женщины съ точки зрѣнія нравовъ всегда было сравнительно болѣе высокимъ, нежели во многихъ другихъ культурныхъ странахъ. Наконецъ и общій духъ великой русской революціи отличается такими особенностями, которыя выдѣляютъ ее среди другихъ революцій опять-таки въ направленіи, особенно благопріятномъ освобожденію женщинъ. Конечно, въ русской революціи, какъ и во всякой другой, было не мало жестокаго и грубаго. Но исторія никогда не забудетъ того, что въ то время, какъ великая французская революція прославилась, между прочимъ, изобрѣтеніемъ гильотины, *рево-*

люціонное Временное Правительство Россіи дебютировало великодушнымъ актомъ полной отмѣны смертной казни.

IV.

Что же дастъ свободная женщина для дальнѣйшаго развитія человѣчества? Какую роль призвана она играть въ обновленной культурѣ?

Если вѣрить крайнимъ эгалитаристамъ, которые до сихъ поръ боролись за женское равноправіе тѣмъ путемъ, что по возможности старались въ своей аргументаціи сгладить всѣ духовныя различія между полами, то роль женщины будетъ весьма ничтожна; она будетъ дѣлать то же самое, что и мужчина, и такъ же, какъ это дѣлаетъ мужчина. Въ такомъ случаѣ все культурное значеніе равноправія женщинъ сведется къ тому, что женщина займетъ, наконецъ, въ обществѣ мѣсто, соотвѣтствующее ея нравственному достоинству, и что увеличится *количественно* число полноправныхъ культурныхъ работниковъ. *Качественно* же культура отъ этого факта не измѣнится.

Я никогда не могъ согласиться съ такой постановкой вопроса и принять тезисы эгалитаристовъ подобнаго типа по той простой причинѣ, что такія утвержденія явно противорѣчатъ самымъ общеизвѣстнымъ истинамъ. Люди не одинаковы по природѣ, какъ бы это ни возмущало крайнихъ сторонниковъ „равенства всѣхъ во всемъ“. Какъ дѣти не похожи на взрослыхъ, геніальные люди на бездарныхъ, лѣнивые на прилежныхъ, блондины на брюнетовъ, такъ чисто-природными физическими и психическими свойствами отличаются другъ отъ друга представители того и другого пола. Конечно, отдѣльные мужчины, какъ и отдѣльныя женщины, обладаютъ самыми разнообразными характерами. Но есть *особый мужской и особый женскій темпераменты*, правда, также не одинаково рѣзко выраженные у от-

дѣльныхъ представителей того и другого пола, которые налагаютъ своеобразный мужской и женскій отпечатокъ на всѣ эти разнообразные человѣческіе характеры. Въ концѣ концовъ, различія между полами такъ глубоки и неустранимы, что не могутъ быть уничтожены никакимъ воспитаніемъ или законодательствомъ. Даже относительно всемогущаго, въ общемъ, англійскаго парламента конституціонная поговорка признаетъ, что онъ одного сдѣлать не можетъ: превратить женщину въ мужчину.

Въ прежнія времена подобныя разсужденія до крайности не нравились многимъ представителямъ феминизма, хотя въ нихъ, въ сущности, заключаются самыя азбучныя истины. Этимъ лицамъ представлялось, что всякое указаніе на отличіе женской психики отъ мужской содержитъ въ себѣ опасность для успѣха дѣла равноправія. Я надѣюсь, что теперь, когда вопросъ о равноправіи женщинъ въ Россіи можно считать въ принципѣ рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ, и по вопросу о психологіи женщинъ установится болѣе спокойная оцѣнка. Это было бы желательно во всѣхъ отношеніяхъ. Дѣло въ томъ, что защищаемая мною точка зрѣнія не только больше отвѣчаетъ объективной истинѣ, но она въ конечномъ счетѣ выгоднѣе и для культурнаго развитія вообще и для самихъ женщинъ, какъ культурныхъ работниковъ.

Трудно спорить съ тѣмъ положеніемъ, что культурное развитіе должно итти тѣмъ полнѣе и тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ разнообразнѣе силы и склонности отдѣльныхъ культурныхъ работниковъ. Каждый человѣкъ въ отдѣльности настолько ограниченное и слабое существо, что никакая личность, хотя бы самая геніальная, не въ состояніи выявить въ своей дѣятельности и міровоззрѣніи все богатство человѣческихъ задатковъ, взятыхъ въ совокупности. Поэтому, чѣмъ разнообразнѣе будутъ силы тѣхъ работниковъ, которые будутъ принимать дѣятельное участіе въ творчествѣ культур-

ныхъ цѣнностей, тѣмъ лучше для человѣчества. Защищаемая мною точка зрѣнія на женскую психику приводитъ къ выводу какъ разъ въ этомъ направленіи. Изъ нея слѣдуетъ, что коренное измѣненіе въ общественно-политическомъ положеніи женщинъ приведетъ не просто къ количественному усиленію культурныхъ работниковъ, но *вольетъ въ культурное творчество качественно-новое направленіе, измѣнитъ самый характеръ культуры.* Я не сомнѣваюсь въ томъ, что человѣчество услышитъ отъ освобожденной женщины на самомъ дѣлѣ нѣкоторыя новыя слова и что культурное содержаніе отъ этого значительно обогатится. Въ дальнѣйшемъ я постараюсь въ самыхъ общихъ чертахъ выяснить, какъ мнѣ представляется содержаніе этихъ новыхъ словъ.

Въ моей, не разъ уже упомянутой, книгѣ „Женщина и человѣческое достоинство“ послѣ внимательнаго анализа данныхъ женской психологіи, я пришелъ къ тому общему выводу, что по самой своей природѣ *женщина есть существо сравнительно болѣе центральное, а мужчина—периферичное.* Женскій организмъ приспособился къ тому, чтобы воспринимать изъ окружающаго міра возможно большее количество энергіи, которая затѣмъ должна пойти не на какіе-нибудь акты, касающіеся внѣшняго міра, но на процессъ, происходящій въ самомъ тѣлѣ матери: построеніе и питаніе новаго живого существа. Напротивъ, мужской организмъ приспособился къ тому, чтобы расходовать накопляемую энергію не на себя, а на акты, направленные на внѣшній міръ. Въ связи съ этимъ стоитъ та несомнѣнная особенность женщины, что въ *ея жизни преимущественную роль играетъ чувство* и что интеллектъ ея направленъ больше на реальные, *конкретные* предметы и процессы, нежели на холодныя и часто далеко оторванныя отъ дѣйствительной жизни абстракціи, какъ интеллектъ мужчинъ: чувство вѣдь гораздо легче привязывается къ проявленіямъ

жизни, какъ она есть, чѣмъ къ формуламъ разсудка. Направляя свою энергію на свои личныя переживанія, женщина отъ этого вовсе не становится обязательно эгоисткой. Напротивъ, мнѣ кажется, что женщина, въ общемъ, *менѣе эгоистична, чѣмъ мужчина*, такъ какъ она является носительницей материнской любви, а эта любовь была родоначальницей и основой всего альтруизма на землѣ. Но мое положеніе означаетъ, что проникнутая эгоизмомъ или альтруизмомъ женщина никогда не отрѣшается отъ своей личности, всегда стремится жить всей полнотой личныхъ переживаній и не въ такой степени, какъ мужчина, способна цѣликомъ растворяться въ нерѣдко одностороннемъ служеніи объективнымъ цѣнностямъ, забывая въ нихъ свою индивидуальность. Далѣе, нельзя не отмѣтить и того, что болѣе сосредоточенная въ себѣ и обращенная на себя и свою внутреннюю жизнь, особенно на жизнь чувства, женщина отличается большей мистичностью, большей религіозностью и большей стыдливостью.

Всѣ эти женскія свойства неминуемо отразятся на содержаніи культуры, какъ только женское воздѣйствіе на нее проявится съ большею силой. И это послужитъ только на пользу культурѣ. Наша современная культура, созданная по преимуществу руками мужчинъ, несомнѣнно, *грѣшитъ чрезмѣрной абстрактностью и разсудочностью*. Мы создаемъ абстрактныя схемы и планы, мы пишемъ абстрактные законы и, увлекаясь этой дѣятельностью, часто не замѣчаемъ реальной жизни съ ея особенностями, которая упорно отказывается уложиться безъ остатка въ сухія схемы интеллекта, которая мучается и страдаетъ въ наложенныхъ на нее тискахъ абстрактныхъ построеній. Упоенные часто только кажущеюся мощью интеллекта, мы слишкомъ мало считаемся съ голосомъ чувства, и въ концѣ концовъ сооружаемъ культурное зданіе, по внѣшности ослѣпляющее своимъ великолѣпіемъ, но на самомъ дѣлѣ холодное и непріютное для человѣческой души,

жаждущей любви и сострадания. Наступившій на нашихъ глазахъ и разрѣшившійся міровой войной кризисъ культуры самъ по себѣ достаточно подтверждаетъ и иллюстрируетъ всѣ эти мысли.

Конечно, на одной только конкретности никакое общественное дѣло держаться не можетъ. Съ чрезмѣрнымъ вниманіемъ къ конкретнымъ особенностямъ жизненныхъ положеній сопряжена опасность потери принципіальныхъ основъ дѣла, мелочности и утраты достаточно широкаго размаха въ творческой иниціативѣ. Но не меньшія опасности связаны и съ чрезмѣрнымъ преобладаніемъ абстрактныхъ схемъ и принциповъ. Создавая внѣшній порядокъ и симметрію въ расположеніи частей, эти схемы заглушаютъ живой голосъ жизни и, при безусловномъ проведеніи, даютъ результаты, иногда прямо противоположные желаемымъ, такъ какъ ирраціональныя условія дѣйствительности на практикѣ придаютъ этимъ схемамъ самое неожиданное направленіе. При особой же настойчивости въ подчиненіи жизни гнету абстракцій, получаются положенія, вродѣ знаменитыхъ „fiat justitia, pereat mundus“ (пусть погибнетъ міръ, лишь бы торжествовало правосудіе).

Вотъ въ такія-то положенія внесетъ значительные коррективы широкое участіе женщинъ въ общественно-культурной работѣ. Я убѣжденъ, что съ теченіемъ времени женщины наложатъ свой отпечатокъ на всѣ области общественнаго творчества. Законодательство, конечно, останется по-прежнему совершенно абстрактнымъ дѣломъ, такъ какъ законы по самому своему назначенію суть общія правила, призванныя именно къ извѣстный схематизаціи жизни. Но въ законахъ усилится элементъ гибкости, дающій возможность при ихъ примѣненіи считаться возможно больше съ конкретными свойствами отдѣльныхъ отношеній. Въ самомъ содержаніи законовъ ярче выступитъ тенденція къ облегченію положенія всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ элементовъ общества, и забота о томъ, чтобы осла-

бить холодный формализмъ и мертвящую рутину управленія. Въ практикѣ управленія, думается мнѣ, женщинамъ удастся ближе подойти къ массамъ управляемаго населенія, заручиться его болѣе интимнымъ довѣріемъ и выполнять не только строго формальныя функціи, но и такія задачи, которыя выходятъ за предѣлы чисто служебныхъ обязанностей. Опытъ нѣкоторыхъ странъ уже показалъ, что женщинамъ, занятымъ въ жилищной инспекціи, удается не только контролировать домовладѣльцевъ въ содержаніи ихъ домовъ, но и распространять между населеніемъ дешевыхъ квартиръ правильныя гигіеническія, педагогическія и этическія представленія; женщины, дающія юридическія консультаціи, становятся, наподобіе старыхъ римскихъ юристовъ, совѣтницами своихъ кліентовъ и въ чисто бытовыхъ вопросахъ (см. *мою* кн. „Женщина и чел. дост.“, 413—4). Въ области суда женщина заставитъ также внимательно относиться къ тонкимъ оттѣнкамъ жизни, вступитъ въ борьбу съ излишнимъ формализмомъ и рутиной, и мужскому принципу абстрактнаго правосудія съ особенной силой противопоставитъ принципы справедливости и гуманности; то, что Римляне называли именами aequitas и humanitas, получитъ отъ женщинъ значительную поддержку въ борьбѣ съ strictum jus и justitia. Въ области воспитанія и образованія женщина уже достаточно успѣла проявить себя и до настоящаго времени. Наблюденія за жизнью находящейся въ моемъ завѣдываніи женской гимназіи въ теченіе одиннадцати лѣтъ дали мнѣ богатый матеріалъ для моихъ работъ въ области женской психологіи. И въ школьномъ дѣлѣ замѣчаются аналогичныя черты женской дѣятельности. Женщинамъ не легко дается выработка абстрактной организаціи и формулированіе общихъ правилъ; женщину чрезвычайно трудно уговорить подчиниться такому общему правилу во имя поддержанія принциповъ, если ея конкретное чувство справедливости и цѣлесообразности, увлеченное особенностями

даннаго жизненнаго положенія, тянетъ ее въ сторону исключенія изъ правила. Но зато женщины гораздо лучше мужчинъ находятъ иногда довольно ирраціональные, но жизненно-правильные выходы изъ запутанныхъ положеній, больше чувствуютъ человѣческую индивидуальность, часто скорѣе какимъ-то чутьемъ, чѣмъ логическимъ анализомъ, проникаютъ въ психику отдѣльныхъ учащихся и цѣлыхъ классовъ, и въ значительной степени содѣйствуютъ индивидуализаціи и конкретизаціи пріемовъ воспитанія и обученія. Тотъ же духъ женщины внесутъ въ науку и искусство. И здѣсь присущая женщинамъ любовь къ живому и конкретному матеріалу послужитъ хорошимъ противовѣсомъ чрезмѣрной склонности мужчинъ къ абстрактнымъ формуламъ, оторваннымъ отъ жизни, и къ слишкомъ холодному творчеству. Но я по-прежнему остаюсь убѣжденъ, что самая объективація духовныхъ переживаній, облеченіе ихъ въ законченныя формы внутренно-цѣлостнаго произведенія мысли или художественнаго творчества всегда будутъ даваться женщинамъ труднѣе и съ относительно меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ мужчинамъ (см. тамъ же, стр. 410—420).

Всѣмъ этимъ я не хочу, конечно, сказать, что женщина до сихъ поръ не принимала участія въ общественно-культурномъ творчествѣ. Напротивъ, въ моей брошюрѣ „Участіе женщины въ умственной культурѣ человѣчества“ (1914 г.), а затѣмъ и въ большой монографіи по женскому вопросу, я съ достаточной, какъ мнѣ кажется, убѣдительностью сгруппировалъ факты, которые показываютъ, что женщина, въ сущности, была родоначальницей всей почти мирной культуры человѣчества и принимала участіе въ дальнѣйшемъ ея развитіи. Въ женщинѣ мы видимъ, прежде всего, мать и воспитательницу своихъ дѣтей. Въ ея природѣ заложено материнское чувство, ставшее исходнымъ пунктомъ для развитія всякаго альтруизма. Въ заботѣ о себѣ и своей семьѣ, женщина изобрѣла земледѣліе,—

фундаментъ всей мирной культуры, и развила въ себѣ впервые необходимыя для культурной работы свойства: предусмотрительность, выдержку и настойчивость въ работѣ, которыя отъ нея уже перешли къ мужчинѣ. Но вся эта работа женщины протекала въ узкихъ границахъ семейной жизни и дѣятельности. Женскія изобрѣтенія пробивали себѣ дорогу медленно, путемъ длительнаго и постепеннаго накапливанія усилій единичныхъ личностей, распространявшихся, закрѣплявшихся и расширявшихъ свое дѣйствіе въ процессѣ массоваго подражанія. При этомъ женскій трудъ, женское творчество и женское вліяніе не находили себѣ заслуженной оцѣнки, встрѣчались съ массой излишнихъ затрудненій и препятствій, обусловленныхъ презрительнымъ отношеніемъ къ женщинамъ мужчины—хозяина положенія и открыто признаннаго властелина и руководителя общественной жизни.

Теперь положеніе мѣняется. Падаютъ внѣшнія преноны для женскаго воздѣйствія на общественную жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнится къ лучшему отношеніе къ женщинѣ и ея излюбленнымъ лозунгамъ и пріемамъ. Женское вліяніе въ культурѣ скажется неизмѣримо шире и всестороннѣе, и это поведетъ къ большему выявленію въ содержаніи культуры принципа любви, безъ котораго никакая культура не имѣетъ нравственной цѣнности.

V.

Но, могутъ намъ возразить на всѣ эти разсужденія, какъ можно дѣлать какія-либо предсказанія относительно роли свободной женщины въ обновленной культурѣ? Вѣдь съ радикальной перемѣной въ условіяхъ жизни и дѣятельности *измѣнится*, *конечно*, *и самая женщина*. Можетъ быть, именно тѣ черты духовной жизни, которыя характерны для нынѣшнихъ женщинъ, отойдутъ на второй планъ въ психикѣ будущихъ представительницъ этого пола?

И на этотъ вопросъ мною былъ данъ отвѣтъ въ книгѣ „Женщина и человѣческое достоинство". Конечно, измѣненіе въ общественномъ положеніи окажетъ серьезное и глубокое вліяніе на женскую психику и, думаю, въ хорошую сторону, такъ какъ, въ общемъ, соціальная свобода всегда облагораживаетъ людей. Но при всемъ томъ *не измѣнится и не можетъ измѣниться въ корнѣ женская природа*, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и присущій женщинамъ основной темпераментъ. И свободная женщина останется существомъ, которое природой предназначено для произведенія и вскармливанія потомства. По прежнему поэтому въ психикѣ ея видное мѣсто будетъ занимать эмоція материнской любви, а въ связи съ этимъ и другія эмоціи. Какъ эмоціональное существо, женщина по прежнему будетъ направлена на конкретное, а не абстрактное, по прежнему будетъ стремиться жить всею полнотой духовныхъ переживаній, по прежнему поэтому и въ общественныя отношенія будетъ вносить духъ материнской любви и конкретной, теплой заботы о всемъ живомъ и страдающемъ.

Что же касается измѣненій въ психикѣ, то они будутъ сводиться, главнымъ образомъ, къ тому, что въ женщинахъ ослабѣютъ нѣкоторые недостатки, привитые имъ приниженнымъ и безправнымъ положеніемъ при старомъ режимѣ. Съ расширеніемъ политическаго и общественнаго кругозора, благодаря работѣ въ болѣе широкихъ сферахъ дѣятельности, чѣмъ семейный кругъ, женщины освободятся отъ присущей имъ часто мелочности и отъ семейнаго эгоизма, заставляющаго ихъ приносить въ жертву интересамъ семьи болѣе высокіе и широкіе интересы, и въ этомъ направленіи воздѣйствовать на окружающихъ мужчинъ. Расширеніе и углубленіе интеллектуальнаго развитія ослабитъ въ женщинахъ тотъ любовный деспотизмъ, которымъ онѣ нерѣдко грѣшатъ въ наше время и причиной котораго является недостаточная способность понять

воззрѣнія, вкусы и склонности другого человѣка и заставить себя съ ними считаться. Пользованіе политическими правами поведетъ къ необходимости вырабатывать и отстаивать самостоятельныя политическія убѣжденія и разовьетъ чувство политическаго долга и отвѣтственности. Избавившись отъ политическаго, соціальнаго и семейнаго гнета, женщины освободятся отъ нѣкоторой наклонности къ хитрости и лжи, въ которой ихъ, не безъ извѣстныхъ основаній, упрекали раньше: вѣдь хитрость и ложь — обычныя средства защиты слабыхъ и угнетенныхъ и въ нихъ не будетъ нуждаться свободная женщина. Съ измѣненіемъ общественныхъ условій, въ особенности подъ давленіемъ женщинъ на законодательство, улучшатся условія женскаго профессіональнаго труда и повысится его оплата. Вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣетъ женскій паразитизмъ, разъѣдающій состоятельные классы нашего общества и одинаково портящій какъ самихъ женщинъ, такъ и окружающихъ ихъ мужчинъ, и уменьшится, если не совсѣмъ исчезнетъ, бичующая жизнь женскаго пролетаріата проституція.

Но я не думаю, чтобы въ будущемъ обществѣ исчезла семья и семейная жизнь. Интимныя семейныя отношенія составляютъ такое высокое благо для людей, что нѣтъ никакихъ основаній думать, что они такъ же будутъ вытѣснены соціализаціей жизни, какъ капиталистическій строй. Хотя нѣкоторые соціалистическіе писатели вводятъ въ свои программы уничтоженіе современнаго моногамнаго брака и соціализацію воспитанія дѣтей, но это вовсе не обязательно для соціалистовъ. Въ доказательство я могу сослаться не только на такихъ умѣренныхъ соціалистовъ, какъ англійскіе Фабіанцы, но даже и на столь близкаго къ идеямъ германской соціалъ-демократіи писателя, какъ Антонъ Менгеръ. Въ своихъ трудахъ онъ постоянно подчеркиваетъ, что реформа брака имѣетъ лишь очень отдаленную связь съ соціализмомъ, а относительно „сво-

бодной любви" прямо заявляетъ, что ее можно сопоставить со свободной конкуренціей, свободой договоровъ и иными хозяйственными порядками, которые подъ маскою свободы вводятъ на дѣлѣ господство богатыхъ и сильныхъ.

„Если, заключаетъ онъ, самые радикальные соціалисты и анархисты проповѣдуютъ свободную любовь, то они безсознательно въ области половыхъ отношеній стремятся къ тому же состоянію, съ которымъ такъ энергично борются сами въ области хозяйственной жизни" (A. Menger, Neue Staatslehre (1903 г.), стр. 169).

Свободная женщина останется, по прежнему, хранительницей семейнаго очага, источникомъ уюта и ласки даже и въ соціалистическомъ обществѣ. Но, расширивъ далеко за предѣлы семьи свою дѣятельность и вліяніе, она станетъ гораздо болѣе виднымъ факторомъ общественной и политической жизни, чѣмъ до сихъ поръ. При этомъ, въ качествѣ главной потребительницы многихъ продуктовъ матеріальнаго и духовнаго производства, она, по прежнему, своими вкусами будетъ опредѣлять направленіе дѣятельности въ соотвѣтственныхъ отрасляхъ производства. Облагораживая свои вкусы и утончая свои потребности, женщина-потребительница будетъ вызывать соотвѣтственный прогрессъ производства, вынужденнаго приспособляться къ ея вкусомъ, останется въ принадлежащей ей и теперь роли „артистки жизни".

Какими же еще путями пойдетъ свободная женщина въ общественной жизни, въ частности, какими видами общественной и политической дѣятельности и какими профессіями станетъ она, по преимуществу, заниматься? Я бы затруднился дать на эти вопросы отвѣты болѣе опредѣленные, чѣмъ тѣ, которые вытекаютъ изъ всего вышеизложеннаго. Женщины — такіе же люди, какъ и мужчины; онѣ обладаютъ всѣми духовными свойствами и способностями, которыя доступны людямъ;

только все это у типичныхъ женщинъ выступаетъ нѣсколько въ иныхъ комбинаціяхъ и окрашивается нѣсколько инымъ тономъ, чѣмъ у типичныхъ мужчинъ, при чемъ и въ этомъ отношеніи индивидуальныя различія и особенности очень велики. Встрѣчаются женственные мужчины и муже-подобныя женщины. Поэтому едва ли есть много видовъ дѣятельности и много профессій, къ которымъ женщины были бы абсолютно неспособны и съ которыми та или иная женщина не справилась бы съ честью. Жизнь сама распредѣлитъ оба пола по профессіямъ, которыя наиболѣе отвѣчаютъ способностямъ, вкусамъ и инымъ особенностямъ ихъ представителей.

Во всякомъ случаѣ, освобожденная женщина перестанетъ завидовать мужчинѣ и отрѣшится отъ стремленія во всемъ ему подражать. Такое стремленіе прежде свойственно было нѣкоторымъ ярымъ сторонницамъ равноправія, которыя коротко стригли свои волосы, пресбразовывали свой костюмъ на мужской ладъ и упорно стремились къ доступу въ мужскія школы. Свободная женщина будетъ цѣнить достоинства, присущія спеціально женской психикѣ, ведя въ тоже время упорную борьбу съ женскими недостатками. Она не будетъ отказываться отъ своего пола, но, напротивъ, *будетъ настаивать на признаніи своей самобытности и на движеніи къ ней.*

Участвуя въ созданныхъ мужчинами организаціяхъ, она будетъ создавать и развивать и свои собственныя женскія организаціи, будетъ имѣть и женскіе союзы, и женскіе клубы, и женскія школы всѣхъ типовъ и ступеней. Она возьметъ все хорошее и цѣнное въ культурѣ, создаваемой мужчинами, но будетъ воспринимать и перерабатывать это по своему, по-женски, и будетъ стараться наложить на культурное развитіе свой женскій отпечатокъ. При этихъ условіяхъ она, дѣйствительно, скажетъ свое „новое слово“ человѣчеству, а самая культура, изъ преимущественно муж-

9671

ской, впервые станетъ подлинно *общечеловѣческой*, чѣмъ новая эра культурнаго развитія и будетъ отличаться отъ предыдущихъ эпохъ.

Физическое насиліе исчезнетъ изъ общественныхъ и международныхъ отношеній и въ жизни будетъ господствовать духовный факторъ; чисто интеллектуальныя и техническія завоеванія человѣческаго духа при этомъ будутъ разсматриваться только, какъ средства культурной дѣятельности; что же касается цѣлей, то онѣ будутъ опредѣляться господствомъ чувства любви не только къ ближнему, но и къ дальнему, и вѣрой въ высокое назначеніе человѣческаго духа. И въ этомъ творчествѣ рука объ руку будутъ итти свободный мужчина со свободной женщиной.

Вотъ какія перспективы открываютъ взору наблюдателя бурныя и грозныя событія переживаемаго момента, если только отрѣшиться отъ злободневныхъ треволненій и смотрѣть на все съ точки зрѣнія вѣчныхъ и непреходящихъ цѣнностей.

В. Хвостовъ.

Того же издательства

I. Народныя бесѣды.

№ 1. **Прив.-доц. Н. С. Арсеньевъ.** О нашемъ Временномъ Правительствѣ, о свободѣ и порядкѣ и о защитѣ родины. Ц. 6 к.

№ 2. **Прив.-доц. А. Н. Бѣликовъ.** Почему мы должны побѣдить нѣмцевъ. Ц. 7 к.

№ 3. **Н. Ф. Езерскій.** Почему нельзя вѣрить нѣмцамъ. Цѣна 12 коп.

№ 4. **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники-французы. Цѣна 30 коп.

№ 5. **Прив.-доц. Н. С. Арсеньевъ.** О свободѣ и обязанностяхъ гражданина. Ц. 7 к.

№ 6. **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники-англичане. Цѣна 25 коп.

№ 7. **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники-бельгійцы. Цѣна 25 коп.

№ 8. **П. Ф. Преображенскій.** Учредительныя Собранія на Западѣ и русское Учредительное Собраніе. Цѣна 15 коп.

№ 9. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Какъ строилась американская демократія. Цѣна 15 коп.

№ 12. **Прив.-доц. С. Ѳ. Кечекьянъ.** Что такое учредительное собраніе? Ц. 6 коп

№ 13. **Проф. А. А. Рождественскій.** Сложныя государства.

№ 14. **Прив.-доц. И. А. Ильинъ.** Что значитъ быть гражданиномъ.

№ 15. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Великая американская демократія. I часть. Ц. 20 коп.

№ 17. **П. Д. Бурскій** Братанье съ врагомъ. Цѣна 20 коп.

II. Научно-политическая библіотека.

№ 1. **Проф. Р. Ю. Виппперъ.** Соціализмъ и соціальная реформа. Цѣна 30 коп.

№ 5. **П. Ѳ. Преображенскій.** Пангерманизмъ и Россія. Цѣна 25 коп.

№ 10. **Проф. В. М. Хвостовъ.** Женщина въ обновленной культурѣ. Ц. 40 к.

№ 12. **Прив.-доц. Д. П. Кончаловскій.** Личность и общество. Цѣна 30 коп.

Складъ изданія: Москва, Скобелевская площ., гостинница бывш. „Дрезденъ“, Книжный складъ при Обществѣ младшихъ преподавателей Московскаго Университета, а также: Орелъ, Гостинная, д. Скоропадскихъ, кв. Косовскаго.